

Д. С. Коньков

*Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия*

dkonkov@mail.ru

«AT NOSTRA LONGE CONDICIO DISPAR»: ЭЛЕМЕНТЫ СУГГЕСТИИ В ПИСЬМЕ СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ*

Анализируется письмо Сидония Аполлинария (ок. 430 – ок. 486), галло-римского поэта и политического деятеля периода распада Западной Римской империи. Сидоний являлся одним из вдохновителей сопротивления распространению власти вестготов в римской Галлии. Это движение закончилось неудачей, что негативно отразилось на карьере Сидония. Рассматриваемое письмо адресовано Льву Нарбоннскому, советнику короля вестготов Эвриха, также галло-римскому аристократу, оратору и чиновнику. Приведен оригинальный текст и перевод письма. С помощью герменевтической интерпретации текста показаны суггестивные, т. е. неявно побуждающие к определенным действиям, аспекты письма, предполагающие перформативное личное статусов и отношений для восстановления карьеры Сидония. Данные аспекты содержатся в особенностях структуры текста, эпитетах, тропах, переносе смысловых акцентов. Таким образом, выявлены инструментальные, а не только нарративные или литературные, функции античного письма.

Ключевые слова: Сидоний Аполлинарий, Лев Нарбоннский, эпистолография Античности, вестготы, поздняя Западная Римская империя.

В фокусе рассмотрения данной статьи находится письмо галло-римского аристократа V в. Сидония Аполлинария своему знакомому, высокопоставленному политику Льву Нарбоннскому. Творчество Сидония традиционно привлекает к себе внимание исследователей, поскольку представляет собой уникальный исторический источник – аутентичное свидетельство последних лет существования Западной Римской империи. В классической историографии XVIII–XX вв., как отечественной, так и зарубежной, тексты Сидония использовались в первую очередь для создания исторического нарратива. В результате современная конвенциональная трактовка событий в Галлии середины V в., репрезентированная в соответствующих учебниках, основана преимущественно

на интерпретациях Сидония. Однако в настоящее время подход к историческому тексту исключительно как к источнику информации о событийной последовательности становится анахронизмом. Он уступает место междисциплинарной аналитике, объединяющей в себе исторические, филологические, культурологические, философские и антропологические изыскания. Эта тенденция проявляется в англо- и русскоязычной научной литературе, в меньшей степени – в германоязычной. В применении к текстам поздней Античности – раннего Средневековья ее сформулировал П. П. Шкаренков. Он предлагает рассматривать риторический стиль авторов этих текстов как комплексное отражение исторической эпохи, а не простой литературный нарратив. Позиция

---

* Статья подготовлена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

П. П. Шкаренкова, как он сам отмечает, основана на высказываниях Э. Кассирера и Х.-Г. Гадамера о специфике языка, коммуникативных образов, семантического содержания различных исторических эпох [Шкаренков, 2004. С. 11–14].

Однако в этом контексте возникает вопрос, насколько способен современный исследователь выявить и понять архаические смысловые пласты. Ответ предлагает Х.-Г. Гадамер, развивая идею философской герменевтики. С его точки зрения, текст представляет собой многомерный тессеракт смыслов, способный быть развернутым в различных плоскостях в зависимости от взгляда исследователя, что и является герменевтической интерпретацией. Он подчеркивает диалогический принцип работы с источником, «единство понимания и истолкования». «...Истолкование, которое разворачивает смысловые импликации текста и дает им отчетливое языковое выражение <...> не претендует на самостоятельное по отношению к пониманию бытие» [1988. С. 547]. Таким образом, понимание текста – это его интерпретация. И интерпретация имеет отношение только к самому тексту, но не к его автору. «Понимание <...> не есть акт вчувствования, разгадывающий душевную жизнь говорящего <...> Определенность ситуацией и общим контекстом, дополняющая речь до тотальности смысла <...> причитается вовсе не говорящему, но самому высказанному» [Там же. С. 565]. На этих принципах основывает интерпретацию исторического текста И. Н. Данилевский, фокусируясь на целях автора и социальных функциях источника в своем анализе Повести Временных лет [2004. С. 20]. Указанные методологические позиции использованы для анализа текста Сидония Аполлинария в данной статье.

В отечественной историографической традиции Сидоний Аполлинарий долгое время находился на периферии внимания исследователей. В настоящий момент сочинения Сидония представлены в русских переводах лишь фрагментарно. Центр постклассических исследований в Белгородском государственном университете под руководством Н. Н. Болгова осуществляет проект по полному переводу и изданию данного исторического источника. Первое развернутое исследование творчества и биографии Сидония в отечественной науке относится

к 1855 г. и принадлежит С. В. Ешевскому, ученику основателя московской школы медиевистики П. Н. Кудрявцева [Ешевский, 1870]. Несмотря на обстоятельность и несомненную научную ценность, эта работа сосредоточена на реконструкции личности Сидония (и, в значительной степени, его родственника Эджиция), имеет апологетический повествовательный характер и практически лишена аналитической критики источника. В 2010-х гг. намечилось возрождение интереса к текстам Сидония со стороны отечественных авторов. П. П. Шкаренков [2013], Д. В. Буяров [2009], Е. В. Литовченко [2007; 2012а; 2012б; 2014], Э. М. Манукян [2012; 2013; 2014] в ряде работ рассматривают специфику риторики и социальной позиции Сидония. Однако проблема целей и функций конкретных текстов Сидония в этих работах остается в тени более общих характеристик.

В зарубежной историографии в 2000-е гг. также заметен интерес к новому прочтению и интерпретации исторических источников, и в частности, писем и поэм Сидония. Оставляя в стороне отдельные статьи, следует упомянуть о знаковой монографии Дж. Харрис [Harries, 1994], оживившей интерес к Сидонию и заложившей основу международного грантового проекта «Sidonius Apollinarius for the 21st Century». Этот проект возглавляется Й. ван Ваарденом и Г. Келли, и нацелен на систематическое издание и комментирование текстов Сидония. В его рамках была осуществлена лингвистическая интерпретация переписки Сидония как способа выживания в условиях меняющегося окружения, трансформации привычных институтов и структур [Waarden, 2010; New Approaches..., 2013].

Таким образом, тексты Сидония Аполлинария актуализируются в современной отечественной и зарубежной исторической науке в свете нового прочтения, методологически дистанцирующегося от классического нарратива. В русле этой тенденции находится данная статья. Она представляет собой опыт рассмотрения письма Сидония Льву Нарбоннскому сквозь призму герменевтической интерпретации текста. Этот метод ранее не применялся для анализа указанного исторического источника; кроме того, в русскоязычной литературе на настоящий момент отсутствует не только аналитика, но и перевод данного письма, что

определяет новизну и научную значимость проведенного исследования.

Соответственно рассмотренной выше методологической трактовке исторической герменевтики, цель статьи – выявление интенций Сидония при написании письма и социальных функций самого текста. Задачи, поставленные для достижения этой цели: перевод источника; помещение источника в исторический контекст его создания; рассмотрение повода для его написания; анализ структуры источника; анализ тропов и образов источника; интерпретация смысловых слоев источника с точки зрения целей его автора. Текст Сидония интерпретирован сквозь призму гипотетического предположения о его суггестивной природе. Под термином «суггестия», вынесенным в название статьи, здесь понимается латентное, не прописанное явным образом в тексте источника, однако подразумеваемое его структурой, композицией и образно-смысловым наполнением побуждение к определенным действиям адресата письма. Данная гипотеза следует из тезиса о целеустремленности и продуманности текстов античных писем, что является общей посылкой для современной эпистолографии Античности.

Гай Соллий Аполлинарий Сидоний родился около 430 г. в Галлии в семье знатного аристократа и префекта претория Галлии. Подобное происхождение определяет соответствующее мировоззрение и амбиции. Сидоний стремился войти в имперскую элиту, о чем говорит его стратегия отношений с императорами этих лет. Его крестным отцом был Авит, после падения которого Сидоний писал панегирики и находился при дворах Майориана и Анфемия. В это же время он совершил ряд поездок по Галлии, в том числе и в Нарбонну, где познакомился со своим будущим корреспондентом Львом Нарбоннским. Отношения Сидония с этим человеком представляют исследовательский интерес в силу того, что в них раскрывается реакция галло-римской аристократии на усиление варварских войск и военачальников в условиях упадка имперской администрации. Лев занимал руководящий пост в Нарбонне (*vir spectabilis*), а затем, после перехода города под контроль вестготов, вошел в число приближенных короля Эвриха [The Prosopography..., 1980. P. 662–663], являясь примером сотрудничества римлян с

варварами. В этом контексте он упомянут Сидонием, Эннодием и Григорием Турским. В то же время сам Сидоний позиционировал себя как убежденного противника вестготской экспансии в Галлии. В 468 г. он занимал пост городского префекта Рима, однако вскоре покинул его, возможно, из-за судебного конфликта, также связанного с отношениями галльской аристократии и вестготов [Ibid. P. 115–118]. Около 469 г. Сидоний был избран епископом Клермона, в 471 г. ставшего центром сопротивления вестготам в Нарбоннской Галлии. Таким образом, он и Лев Нарбоннский оказались в противостоящих лагерях. Около 475 г. Клермон прекратил борьбу, а Сидония новая власть отправила в ссылку. Однако ссылка была недолгой, и вскоре – в 476 или 477 г. – он восстановил свой статус, положение и должность благодаря заступничеству Льва Нарбоннского. Опубликованная переписка Сидония и Льва (всего два письма) предположительно относится именно к периоду 475–476 гг. Одному из этих писем (IV, 22) посвящена данная статья.

При анализе текста этих писем необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, данный текст был целенаправленно издан для широкого круга читателей (в который входили друзья и знакомые Сидония, галльская аристократия, а также учителя и ученики галльских грамматических школ). Сидоний лично отбирал письма для публикации и делал это по определенным критериям. Литературные и грамматические достоинства, о которых он сам говорит, в действительности не определяющие из них. Основная цель публикации сборников – презентация себя современникам и будущим читателям. Сидоний создавал ими конструкт себя-для-других. Во-вторых, – что закономерно вытекает из первого, – нельзя расценивать эти письма Сидония как по преимуществу личную переписку, как источник сведений интимного характера, напротив – они, по сути, представляют собой специфическую разновидность панегириков и поэм. По крайней мере, они столь же публично ориентированы. Ряд писем был написан специально для публикации, а остальные были отредактированы с позиции оптимальной презентации автора читателю [Anderson, 1963. P. 61].

Интерпретацию содержания писем усложняет отсутствие оригинальных датировок

и, очевидно, произвольный хронологический порядок их распределения в книгах. Существующие датировки основаны на привязке к событиям в биографии Сидония, иногда достаточно условной [Mathisen, 2013]. Так, известно, что сборники писем были созданы в период епископства Сидония, т. е. после 469 г. У. Андерсон указывает на то, что, по крайней мере, с III книги эти сборники составлены после осады Клермона, т. е. после 475 г. [Anderson, 1963. P. 60]. В 476 г. Сидоний не только вернулся на епископскую кафедру, но и, очевидно, возобновил прежний образ жизни. В это время, по его собственным словам, он занимается изданием сборников писем (...ut epistularum curam iam terminatis libris...) [Gai Sollii Apollinaris..., 1887. P. 72]. Письмо Льву Нарбоннскому (IV, 22) Сидоний написал в контексте включения в готовящуюся книгу, изначально подразумевая возможность публикации, или даже специально для книги.

Текст письма приведен по изданию Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina. MGH, Auctorum Antiquissimorum Tomus VIII. Berolini, 1887. P. 72–73.

Epistula XXII

Sidonius Leoni suo salutem.

1. Vir magnificus Hesperius, gemma amicorum litterarumque, nuper urbe cum rediit e Tolosatium, praecipere te dixit, ut epistularum curam iam terminatis libris earum converteremus ad stilum historiae. reverentia summa, summo et affectu talem atque tantam sententiam amplector; idoneum quippe pronuntias ad opera maiora quem mediocria putas deserere debere. sed, quod fatendum est, facilius audeo huiusmodi suspicere iudicium quam suscipere consilium.

2. res quidem digna quam tu iuberis sed non minus digna quam faceres. namque et antiquitus, cum Gaius Cornelius Gaio Secundo paria suasisset, ipse postmodum quod iniunxit arripuit, idque ab exemplo nunc melius aggredieris, quia et ego Plinio ut discipulus assurgo et tu vetusto genere narrandi iure Cornelium antevenis, qui saeculo nostro si revivisceret teque qualis in litteris et quantus habere conspicaretur, modo verius Tacitus esset.

3. itaque tu molem thematis missi recte capassis, cui praeter eloquentiam singularem scientiae ingentis magna opportunitas. cotidie namque per potentissimi consilia regis totius

sollicitus orbis pariter [eius] negotia et iura, foedera et bella, loca spatia merita cognoscis. unde quis iustius sese ad ista succinxerit, quam ille, quem constat gentium motus legationum varietates, facta ducum pacta regnantum, tota denique publicarum rerum secreta didicisse, quique praestanti positus in culmine non necesse habet vel suppressimere verum vel concinnare mendacium?

4. at nostra longe condicio dispar, quibus dolori peregrinatio nova nec usui lectio vetus, tum religio professioni est, humilitas appetitui, mediocritas obscuritati, nec in praesentibus rei tantum, quantum in futuris spei locatum, postremo languor impedimento iamque vel sero propter hunc ipsum desidia cordi; aequaeva certe iam super studiis nulla laus curae, sed ne postuma quidem.

5. praecipue gloriam nobis parvam ab historia petere fixum, quia per homines clericalis officii temerarie nostra iactanter aliena, praeterita infructuose praesentia semiplene, turpiter falsa periculose vera dicuntur. est enim huiusmodi thema [vel opus], in quo bonorum si facias mentionem, modica gratia paratur, si notabilium, maxuma offensa. sic se illi protinus dictioni color odorque satiricus admiscet. ilicet: scriptio historica videtur ordine a nostro multum abhorrere, cuius inchoatio invidia, continuatio labor, finis est odium.

6. sed tunc ista proveniunt, clericis si aliquid dictetur auctoribus; qui colubrini oblatratorum molaribus fixi, si quid simpliciter edamus, insani, si quid exacte, praesumptiosi vocamur. at si tu ipse, cui datum est saltibus gloriae proterere posse cervices vituperonum seu supercurrere, materiae istius libens provinciam sortiare, nemo te celsius scripserit, nemo et antiquius, etiamsi placeat recentia loqui; quandoquidem sermonum copia impletus ante, nunc rerum non reliquisti, cur venenato morsu secere. atque ideo te in posterum consuli utilitas, audiri voluptas, legi auctoritas erit. vale.

Перевод письма осуществлен в сотрудничестве с канд. филол. наук, доц. С. Ю. Сухановой. Автор выражает огромную благодарность Софье Юрьевне за проделанную работу. Перевод приближен по структуре текста к оригиналу, чтобы сохранить смысловые акценты, а также по возможности передать характерную для Сидония образность и сравнительную вычурность стиля. Квадратными скобками выделены необходимыми смысловые дополнения.

Письмо IV, XXII

Сидоний Льва, своего (друга), приветствует.

1. *Vir magnificus* [титулование, означающее знатное происхождение и / или должность на уровне префекта претория] Гесперий, драгоценность дружбы и литературы, вернулся недавно из города Тулузцев, сказал, что ты рекомендуешь, чтобы, если уже книги [писем] закончены, мы сменили заботу [об] этих письмах написание истории. Поскольку высокое положение достойно уважения, я весьма и с любовью принимаю столь важное и значительное мнение; стало быть, ты по достоинству приговариваешь к великим трудам того, кто, как ты считаешь, должен оставить [труды] посредственные. Но [и] следует признать, что легче осмеливаюсь таким образом чтить [твое] суждение, чем принимать [подобное] решение.

2. Дело это достойно, чтобы ты его предлагал, но не менее достойно, чтобы ты его исполнил. Ибо ведь и некогда, когда Гай Корнелий [Тацит] советовал подобное Гаю Второму [Плинию Младшему], сам потом поспешил взять [на себя] то, что возлагал [на Плиния]; и как пример этого ты сейчас лучше подходишь, потому что и я [перед] Плинием преклоняюсь как ученик, и ты по праву превосходишь в старинном повествовательном стиле Корнелия, который, если бы в нашем веке воскрес и увидел, что ты настолько в количественном и качественном отношении преуспеваешь в литературе, тут же действительно стал бы Тацитом [молчащим].

3. Поэтому именно ты бремя поднятой темы по справедливости горячо принимаешь, ты, у которого большое преимущество, кроме выдающегося красноречия, в обширном знании. Ибо ведь ежедневно ты, полный забот благодаря решениям могущественнейшего правителя всего мира, равным образом познаешь [его] дела и законы, союзы и войны, [их] заслуженное место. Откуда [возьмется] тот, кто лучше себя к этому подготовил, чем тот, о котором известно, что он, движимый разнообразием посольств народов, свершенными договорами дуксов, узнал, наконец, все тайны государственных дел, для которого, стоящего на первом месте на вершине карьеры, нет необходимости или скрывать правду, или петь ложь.

4. Но наше положение далеко не равно, у нас новое путешествие служит печали, а не чтение классиков опыту, затем благочестие служит нынешнему занятию, смирение – желанию, посредственность – безвестности, и не столько в настоящем [положении] дела, сколько в будущем надежды состоит, наконец, усталость препятствует или позже из-за нее самой праздность сердца; никакой успех у современников, да и посмертный, в отношении ученых занятий не является предметом заботы.

5. Особенно слава для нас ничтожна, чтобы пытаться историей [ее] запечатлеть, потому что среди служителей церкви считается легкомысленным наше [пытаться запечатлеть], хвастливым чужое, бесплодным прошлое, неполным настоящее, позорным ложное, опасным истинное. Ведь [это] такого рода труд, в котором, если упоминаешь доброе, небольшая благосклонность приобретается, если поразительное, то наибольшая неприязнь. Так тотчас к этому рассказу примешивается сатирический оттенок. И вот: представляется, что историческое повествование не соответствует нашему ходу [вещей], начало которого – недоброжелательство, продолжение – труд, окончание – неприязнь.

6. Но в том случае это происходит, если что-либо пишется авторами-клириками; они уязвлены змеиными клыками хулителей, если мы что-то безыскусно создаем, нас называют безумными, если тщательно – самонадеянными. И если ты сам, кому дано взлетами славы быть в силах раздавить шею хулителей или превзойти [их], по своему желанию изберешь этого предмета поприще, никто возвышеннее тебя не напишет, никто [не напишет] и более старинным слогом, даже если угодно говорить о недавнем; так как богатством познаний ты был наполнен прежде, и теперь не оставляй богатства содержания, пусть ты и терзаем ядовитым злословием. И также потому, что [от этого] будет польза, что в будущем к тебе будут обращаться за советом, будет желание [тебя] слушать, побуждение (тебя) читать. Прощай.

Поводом к написанию текста служит излагаемое в первых же строках предложение Льва Нарбоннского Сидонию обратиться от эпистолярного жанра к историческому. Уже

на этапе прочтения источника возникает вопрос о характере этого предложения, поскольку *praescipio*, согласно И. Х. Дворецкому [1976. С. 791] и П. Глэйру [Oxford Latin Dictionary, 1968. P. 1423–1423], подразумевает и приказание, и рекомендацию, и предвкусение. Не способствует ясности и то, что чуть ниже Сидоний последовательно использует слова *pronuntias* (призываешь, приказываешь, назначаешь), *consilium* (обсуждение) и *iuberes* (предлагаешь). Степень жесткости предложения Льва характеризует его отношения с Сидонием, или, скорее, то, как сам Сидоний расценивал эти отношения. Рассмотрению этого вопроса помогает следующее. Предложение высказано не в прямом послании от Льва, а устно, через посредника, некоего Гесперия, вернувшегося из Тулузы. Гесперий назван Сидонием «*vir magnificus*», что может быть просто констатацией аристократического происхождения, как полагает Дж. Р. Мартиндейл [The Prosopography..., 1980. P. 552], но также в контексте принятого титулования поздней империи означает высокую должность в административной системе – на уровне префекта. Следует предположить, что Гесперий имел равный социальный и административный статус по отношению к Сидонию и Льву Нарбоннскому. Он не был человеком на посылках, передающим указание вышестоящего лица нижестоящему. Скорее речь идет о пожелании, комментарии или предположении, высказанном в частной беседе об общих знакомых. Это намек на заинтересованность, безусловно, провокативный, учитывая бурное прошлое Сидония, но ни к чему напрямую не обязывающий и ничего не предписывающий. Тем не менее Сидоний считает необходимым ответить на него развернуто, письменно и публично. Мимолетное высказывание Льва использовано Сидонием как повод для перформативирования своей социальной позиции.

Отталкиваясь от частного случая во вводимом абзаце (раздел 1), Сидоний переходит к обобщающим характеристикам. Дальнейший текст письма четок по своей структуре, следуя трехчастному делению тезис – антитезис – синтез. Разделы 2 и 3 посвящены созданию образа Льва Нарбоннского, описанию его положения в видении Сидония. Подчеркиваются выгодность и относительное превосходство места Льва в социальной и политической иерархии. Разделы 4 и 5 ха-

рактеризуют самого Сидония, максимально контрастно и противопоставленно образу Льва – Сидоний прямо дает на это установку вступительными словами *at nostra longe condicio dispar* – «но наше положение далеко не равно». Эти слова вынесены в заглавие статьи, поскольку содержательно и интенционально письмо Сидония сводится именно к ним. Недаром они маркируют середину письма, деля его на две равные части. После них автор обращается к характеристике собственного положения, выступает униженным, стесненным и скорбным, подчеркивая свой статус священнослужителя. Наконец, в разделе 6 два образа встречаются лицом к лицу, и высказывание Льва бумерангом возвращается к его автору.

Не только структура, но и отдельные образы, тропы и термины, используемые Сидонием, способны многое сказать о его целях и намерениях. Он начинает с формирования параллелей между ним и Львом и Плинием Младшим и Тацитом соответственно. Это обращение к каноничным фигурам золотого века само по себе способствует позиционированию Сидония как хранителя римской традиции, но он еще более усиливает этот образ, прямо говоря о себе как об ученике Плиния (*ego Plinio ut discipulus assurgo* – «я как Плиния ученик выступаю» – фрагмент, растиражированный во всех исследованиях работ Сидония).

Действительно, Плиний Младший известен как ритор и законодатель латинского эпистолярного жанра – благодаря изящному и развернутому панегирику императору Траяну и девяти книгам писем, в подражание которым составлял свои сборники, как предполагается, и Сидоний [Anderson, 1963. P. 61]. Среди наследия Плиния есть переписка с Тацитом дружеского характера, посвященная в основном литературным и политическим вопросам. Вспоминая об этой переписке, Сидоний представляет и свои отношения со Львом подобными дружбе и доверию между Плинием и Тацитом. Однако, сравнив количество и тематику писем Плиния и Сидония, можно понять, что степень их близости со своими визави серьезно отличается (одиннадцать писем Плиния Тациту, посвященных конкретным темам, и два письма Сидония Льву, содержащих общие рассуждения).

Сидоний лукавит, когда пишет о схожем предложении Тацита Плинию написать ис-

торическое сочинение, которое Тацит затем написал сам. Такого предложения не было. Из имеющихся писем Плиния только в двух он отвечает на пожелание Тацита относительно истории – это известные письма VI, 16 и VI, 20, в которых излагаются воспоминания об извержении Везувия [Письма Плиния Младшего, 1982. С. 105, 108]. Предполагалось, что Тацит включит эти записи в свою «Историю». Это он, видимо, и сделал, но соответствующий фрагмент не сохранился до наших дней. В этих письмах не идет речь о написании Плинием исторического сочинения самостоятельно, как то представляет Сидоний. Однако есть письмо Плиния секретарю императора Титинию Капитону (V, 8), которое как раз представляет собою ответ на предложение заняться историописанием – и ответ положительный. При этом о Таците в письме не упоминается [Там же. С. 88–89]. Таким образом, либо Сидоний недостаточно хорошо помнил тексты Плиния и не посчитал нужным с ними дополнительно сверяться, либо, скорее, сознательно использовал отдаленно подходящий к случаю текст, чтобы создать параллель с классиками и сформировать собственную текстуральную реальность, выстроенную по законам образной симметрии.

Продолжая сопоставление, Сидоний перечисляет личные качества Льва: говорит о его владении классическим навыком рассказа, превосходящим талант Тацита; отмечает умение писать, выдающееся красноречие, уникальную эрудицию. Следует заметить, что это ограниченный и специализированный набор индивидуальных качеств. Сидоний в целом повторяет то, что писал о Льве ранее. Он не связывает с Львом этические – как честность – или социальные – как благородство происхождения – характеристики. Его образ Льва ограничен риторикой, грамматикой и ученостью как широтой знаний. Это свидетельствует о примордиальной значимости этих умений для Сидония, что естественно в свете его собственного позиционирования как «человека письма».

Но в рассматриваемом письме Сидоний вводит в описание Льва дополнительный – и, судя по объему, важный для автора – аспект. Он скрупулезно описывает преимущества текущего социально-политического положения Льва. По словам Сидония, Лев участвует в управлении, будучи особо приближен к великому правителю. Здесь подра-

зумеается, очевидно, пост советника в Тулузе при Эврихе. После перечисления тех вопросов, в решении которых, по мнению Сидония, участвует Лев, и которые достойны фиксации историком (эти вопросы политического и правового характера, что недвусмысленно говорит о понимании Сидонием специфики исторического сочинения), высказывается итоговая оценка. Лев Нарбоннский более способен написать историческую работу, поскольку его высокое положение, его карьерный статус защищают его от последствий истины и от необходимости лжи. Этими строками Сидоний неявно переносит акценты образа Льва с литературных талантов на авторитет, влияние, социальный ресурс. Данный перенос является осознанным и преследует цель указать на большие возможности Льва, на власть, находящуюся в его распоряжении.

В то же время собственный образ Сидоний выстраивает по контрасту со сформированным им образом Льва. Первое, что он упоминает в этой связи – ссылка, которая повергает его в скорбь. Далее он переходит к описанию своего положения как духовного лица и про ссылку больше не говорит, но текст наполнен ее незримым присутствием, поскольку неоднократно отсылает к метафорам скорбности и уныния (*humilitas appetitui* – смирение желанию, *mediocritas obscuritati* – посредственность безвестности, *languor* – усталость, равнодушие, апатия, *desidia cordi* – праздность сердца). Относя все эти эпитеты к своему епископскому статусу, Сидоний одновременно показывает собственное негативное восприятие этого статуса и проявляет очередное лукавство, поскольку духовное звание не было препятствием для литературных и исторических изысканий (Аврелий Августин, Иероним, Эннодий, Григорий Турский или Беда Достопочтенный очевидные тому примеры).

Понимая слабость своего оправдания, далее он детально описывает, какие неудобства претерпевают служители церкви, обращаясь к истории. Благодаря этой детальности становится ясно, что Сидоний подразумевает именно свое собственное положение. Хвастаться своими заслугами нельзя, говорить о прошлом бессмысленно, о настоящем не иметь достаточно знаний, лгать отвратительно, опасно говорить правду – это взгляд Сидония на свою жизнь после поражения его фракции. Автор утрирует

ситуацию, но подобное сетование объяснимо. Его кампания в защиту Клермона от подчинения юрисдикции Эвриха потерпела фиаско; его расчеты на поддержку и лояльность овернской и италийской элиты оказались ошибочны; он переоценил свои политические ресурсы и перспективы.

По всей видимости, его временное изгнание из Клермона имело не столько формальное, сколько символическое значение, преследуя цель удалить Сидония с той сцены, на которой он привык играть одну из ведущих ролей. В качестве наиболее влиятельного должностного лица в Клермоне его заменил дукс Эвриха Викторий, очевидно, возглавлявший в это время всю Септимианию [The Prosopography..., 1980. P. 1162–1164]. С одной стороны, похвалы в адрес дукса (довольно формальные) [Gai Sollii Apollinaris..., 1887. P. 123] оказались недостаточными, чтобы вернуть Сидонию ведущее значение в овернском сообществе. Панегирик Эвриху, который Сидоний написал в этот же период, пребывая в Бордо, также не оправдал ожиданий [Ibid. P. 135–137]. С другой же стороны, Сидоний, хотя и возвращенный из ссылки, опасался продолжать свою оппозиционную деятельность. Он не мог себе позволить развернутую апологетику римлян. Именно об этом Сидоний пишет далее, говоря, что даже упоминание о хорошем встречает мало благодарности, а о выдающемся – чревато серьезными нападками (при этом косвенно цитируя уже использованное им письмо Плиния (V, 8, 12) (*graves offensae levis gratia* – обижаться будут тяжело, поблагодарят еле-еле [Письма Плиния Младшего, 1982. С. 89])). Акцентируя связь историописания с возможностью негативного общественного мнения, его отрицательные последствия для своих социальных контактов, он подытоживает раздел письма утверждением, что история ведет к всеобщей ненависти по отношению к историку, начинаясь завистью, продолжаясь трудами и заканчиваясь враждой.

Переходя в завершающем абзаце письма вновь на образ Льва, Сидоний повторяет тезис о недоброжелателях, готовых при удобном случае вонзить в историка ядовитые зубы. Но, как подчеркивает Сидоний, именно Лев защищен от такого развития событий своей успешностью, известностью, которая дает возможность заставить склониться хулителей или просто быть выше их

злословия. В то же время он имел практику речей, дискуссий раньше, и не забросил ее сейчас – в отличие от Сидония – поэтому он способен отстаивать свои позиции в противовес любому яду.

Основное внимание в сравнении Льва и самого себя Сидоний уделяет разнице в социальном весе и влиятельности. Он не забывает и о другой традиционно важной для него характеристике – литературном умении, и вновь возвращается к этой теме, поднятой в начале письма, тем самым закольцовывая текст и несколько снимая остроту педалирования высокого положения Льва и шаткости собственной позиции. Сидоний обрамляет основное содержание письма комплиментами и похвалами литературному мастерству Льва, однако, по сути, письмо о другом.

Оно насыщено презентующими и декларирующими пассажами, с помощью которых Сидоний обозначает себя и Льва Нарбоннского. Он очерчивает границы собственного места в интеллектуальном и социальном (это во многом связано друг с другом) пространстве Галлии, перформатирует свою роль в обществе и свой образ для других. Но тем самым он предписывает границы и Льву Нарбоннскому, поскольку соотносит себя с ним, выстраивает параллели и оппозиции. В рамках текста Лев Нарбоннский – зеркало, в котором Сидоний Аполлинарий ищет свое отражение. Причем это отражение перевернуто, инвертировано, одновременно и сходно с оригиналом, и отлочно от него. Образы автора и адресата дополняют и оттеняют друг друга, составляя диалектическое единство текста.

Если при первом взгляде речь идет о сравнительно превосходных характеристиках ораторских и грамматических талантов Льва Нарбоннского, о выгодности его положения для написания исторического сочинения, то при более внимательном прочтении оказывается, что Сидония в данном случае интересует не историописание само по себе, а его плюсы и минусы для общественного положения. Повседневная практика речей и написания документов у Льва соединена в тексте с его высоким и влиятельным политическим положением. Соответственно, ведя речь о себе, Сидоний сетует на утраченное литературное мастерство, невозможность практиковаться в нем, сузившийся круг чтения – и здесь же указывает

на свою уязвимость, незащищенность перед недоброжелателями, т. е. слабость собственной социальной позиции.

Однако и под этим смысловым слоем констатации различия статусов между Львом и Сидонием скрывается еще ряд под-разумеваний. Образ Льва Нарбоннского, казалось бы, находится в центре внимания автора, но это не так. На деле предметом интереса Сидония выступает сам Сидоний. Все, что сказано о Льве – это характеристика его огромной влиятельности в силу приближенности к Эвриху. Несмотря на относительную развернутость, эта характеристика обща, прямолинейна и функциональна. Сидоний не приводит примеров, показывающих степень влияния Льва в реальности, однако создает картину политика, стоящего за кулисами всех действий Эвриха. Лев в изображении Сидония – стереотипный образ человека, достигшего вершины региональной политической иерархии, в зените творческой деятельности, славы, могущества и общественной активности. Этот образ служит единственной цели: контрастно оттенить незавидность положения самого Сидония – опального аристократа, лишённого социального веса, окруженного недоверием и подозрениями, вынужденного скрывать свои убеждения и отказываться от литературной и общественной жизни.

Сопоставление со Львом, превращенное в противопоставление, является недвусмысленным укором Льву, лишь слегка завуалированным тематикой вопроса об историческом сочинении. Лев, будучи настолько влиятельным советником, легко мог бы способствовать улучшению положения Сидония, приближению его ко двору, обеспечить ему поддержку и защиту. Об этом намекает Сидоний Льву, апеллируя к дружеским связям через сюжет о Плинии и Таците. Однако если отношение Плиния к Тациту действительно можно назвать дружеской привязанностью, то Сидоний пытается вызвать во Льве чувства вины и обязательства.

Лев Нарбоннский для Сидония прежде всего ресурс, опираясь на который можно рассчитывать на статусный рост. Различие в политических предпочтениях, принадлежность к противоборствующим фракциям при этом не являются помехой. Это свидетельствует, что Сидоний считал корпоративную или культурную групповость романской элиты более весомой, нежели политические

пристрастия. Цель данного письма – актуализировать эту групповость и в Льве Нарбоннском, подтолкнуть его к активным действиям, реабилитирующим Сидония и приближающим его ко двору Эвриха. Поскольку эта цель непосредственно не артикулируется, а реализуется через конструирование последовательности образов, должных вызвать в адресате сочувствие, жалость, персональную вину и желание ее загладить, то данное письмо можно расценивать как попытку суггестии со стороны Сидония. Попытку неудачную, если судить по известным данным биографии Сидония. Его социальный и политический авторитет при Эврихе не возрос, он не был приближен ко двору и значимой помощи от Льва не получил.

Список литературы и источников

Буяров Д. В. Мировоззрение и сочинения Сидония Аполлинария в контексте позднеантичной культуры. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. 191 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Наука, 1988. 704 с.

Данилевский И. Н. Повесть Временных лет. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.

Дворецкий И. Х. Латино-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.

Ешевский С. В. К. С. Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. Сочинения С. В. Ешевского. Ч. 3. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1870. 342 с.

Литовченко Е. В. Классическая и христианская традиции в ментальности позднеантичных интеллектуалов // Электронный научно-образовательный журнал История. 2012а. № 1 (9). С. 2–3.

Литовченко Е. В. К образу Аполлинария Сидония: человек поздней античности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. Т. 2, № 3. С. 30–38.

Литовченко Е. В. Письма Сидония и жизнь позднеантичного общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012б. Т. 22. № 7 (126). С. 69–73.

Литовченко Е. В. Письма Сидония как образцы эпистолярного жанра в позднеимперской литературе // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2014. № 6. С. 6–14.

Манукян Э. М. Переписка Сидония Аполлинария и Лупа Труасского // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2014. № 6. С. 17–22.

Манукян Э. М. Сидоний Аполлинарий и проблема социальной идентификации клира на рубеже Античности и Средневековья // *Научный поиск*. 2013. № 2. С. 51–54.

Манукян Э. М. Соотношение провинциального и столичного в мировосприятии Сидония Аполлинария // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2012. № 3. С. 106–118.

Письма Плиния Младшего / Пер. М. Е. Сергеевко, А. И. Доватура. М.: Наука, 1982. 408 с.

Шкаренков П. П. На перекрестке эпох: репрезентация варварских правителей в сочинениях Сидония Аполлинария // *Цивилизация и варварство*. 2013. № 2. С. 152–180.

Шкаренков П. П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М.: РГГУ, 2004. 270 с.

Anderson W. B. Introduction // *Sidonius. Poems and Letters*. Cambridge, 1963. Vol. 1. P. 9–74.

Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina. MGH, Auctorum Antiquissimorum Tomus VIII. Berolini, 1887. 484 p.

Harries J. *Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome, AD 407–485*. Oxford: Clarendon Press, 1994. 292 p.

Mathisen R. Dating the Letters of Sidonius // *New Approaches to Sidonius Apollinaris*. Leuven, 2013. P. 221–248.

New Approaches to Sidonius Apollinaris. LAHR 7. Leuven: Peeters, 2013. 397 p.

Oxford Latin Dictionary / Ed. by P. G. W. Glare. Oxford: Clarendon Press, 1968. 2126 p.

The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1980. 1342 p.

Waarden J. A. van. *Writing to Survive*. Vol. 1: A Commentary on Sidonius Apollinaris Letters. Book 7: The Episcopal Letters 1–11. LAHR 2. Leuven: Peeters, 2010. 659 p.

Материал поступил в редколлегию 19.10.2015

D. S. Konkov

*Tomsk State University
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation*

dkonkov@mail.ru

«AT NOSTRA LONGE CONDICIO DISPAR»:

THE ASPECT OF SUGGESTION IN THE LETTER OF SIDONIUS APOLLINARIS

The article is focused on the letter of Gallo-Roman aristocrat Sidonius Apollinaris (c. 430 – c. 486) to his friend Leo of Narbonne, the counselor of the Visigothic king Euric. The article is an attempt of the hermeneutic interpretation of Sidonius' text. The sense of the article is the revealing of Sidonius' intentions in the letter and the marking of social functions of the text. The following tasks were done for this purpose: translation of the letter; placing the letter in historical context of its creation; consideration about the reason for its writing; analysis of the letter structure; analysis of tropes and images in the letter; semantic interpretation of the source layers for the revealing of the purposes of its author. Sidonius' text interpreted through the prism of the hypothetical assumption of its suggestive nature. The term «suggestion» in the title of the article means the latent motivation for certain actions of the recipient of the letter, not spelled out explicitly in the text, however, implied by its structure, composition, and semantic content. This hypothesis derives from the thesis of the dedication and sophistication of antique letters, which is a common point for modern understanding of the Roman epistolography. For Sidonius, Leo of Narbonne was a resource of political capital first of all, based on which Sidonius could expect the growth of his own status. Apparently differences in political preferences and participation in warring factions were not a hindrance. This indicates that Sidonius considered corporate or cultural Romanesque groupness more important than

political leanings. The purpose of the letter was the actualization of this groupness in the mind of Leo of Narbonne, pushing him into action to rehabilitate Sidonius and to bring him to Euric royal court. Since this goal is not directly articulated but implemented through the construction of a series of images caused sympathy, pity, personal guilt and a desire to make amends, this letter can be viewed as an attempt of suggestion. The attempt failed, judging from the known Sidonius biography. His social and political authority not increased, he was not admitted to the court and did not get any other exceptional support from Leo.

Keywords: Sidonius Apollinaris, Leo of Narbonne, the Roman epistolography, the Visigoths, the late Roman Empire.

References

- Anderson W. B. Introduction. *Sidonius. Poems and Letters*. Cambridge, 1963, vol. 1, p. 9–74.
- Buyarov D. V. *Mirovozzrenie i sochinenija Sidonija Apollinarija v kontekste pozdneantichnoj kul'tury*. Blagoveshchensk, Izdatel'stvo Blagoveshchenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2009, 191 p. (in Russ.)
- Danilevskiy I. N. *Povest' Vremennyh let*. Moscow, Aspekt-Press, 2004, 370 p. (in Russ.)
- Dvoret'skiy I. Kh. *Latino-russkij slovar'*. Moscow, Russkij jazyk, 1976, 1096 p. (in Russ.)
- Eshevskiy S. V. K. S. *Apollinarij Sidonij. Epizod iz literaturnoj i politicheskoj istorii Gallii V v. Sochinenija S. V. Eshevskogo. Pt. 3*. Moscow, Izdanie K. Soldatenkova, 1870, 342 p. (in Russ.)
- Gadamer H.-G. *Istina i metod*. Moscow, Nauka, 1988, 704 p. (in Russ.)
- Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina*. MGH, Auctorum Antiquissimorum Tomus VIII. Berolini, 1887, 484 p. (in Lat.)
- Harries J. *Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome, AD 407–485*. Oxford, Clarendon Press, 1994, 292 p.
- Litovchenko E. V. Klassicheskaja i hristianskaja traditsii v mental'nosti pozdneantichnyh intellektualov. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal Istorija*, 2012a, no. 1 (9), p. 2–3. (in Russ.)
- Litovchenko E. V. K obrazu Apollinarija Sidonija: chelovek pozdnej antichnosti. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Ekonomika. Informatika*, 2007, vol. 2, no. 3, p. 30–38. (in Russ.)
- Litovchenko E. V. Pis'ma Sidonija i zhizn' pozdneantichnogo obshchestva. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Ekonomika. Informatika*, 2012b, vol. 22, no. 7 (126), p. 69–73. (in Russ.)
- Litovchenko E. V. Pis'ma Sidonija kak obraztsy epistoljarnogo zhanra v pozdnerimskoj literature. *Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ja i Vozrozhdenija*, 2014, no. 6, p. 6–14. (in Russ.)
- Manukyan E. M. Perepiska Sidonija Apollinarija i Lupa Truasskogo. *Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ja i Vozrozhdenija*, 2014, no. 6, p. 17–22. (in Russ.)
- Manukyan E. M. Sidonij Apollinarij i problema sotsial'noj identifikatsii klira na rubezhe antichnosti i srednevekov'ja. *Nauchnyj poisk*, 2013, no. 2, p. 51–54. (in Russ.)
- Manukyan E. M. Sootnoshenie provintsial'nogo i stolichnogo v mirovospriyatii Sidonija Apollinarija. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnyh issledovanij*, 2012, no. 3, p. 106–118. (in Russ.)
- Mathisen R. Dating the Letters of Sidonius. *New Approaches to Sidonius Apollinaris*. Leuven, 2013, p. 221–248.
- New Approaches to Sidonius Apollinaris*. LAHR 7. Leuven, Peeters, 2013, 397 p.
- Oxford Latin Dictionary*. P. G. W. Glare (ed.). Oxford, Clarendon Press, 1968, 2126 p.
- Pis'ma Plinija Mladshogo*. M. E. Sergeenko, A. I. Dovatur (transl.). Moscow, Nauka, 1982, 408 p. (in Russ.)
- Shkarenkov P. P. Na perekrestke epoh: reprezentatsija varvarskih pravitelej v sochinenijah Sidonija Apollinarija. *Tsivilizatsija i varvarstvo*, 2013, no. 2, p. 152–180. (in Russ.)
- Shkarenkov P. P. *Rimskaja traditsija v varvarskom mire. Flavij Kassiodor i ego epoha*. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2004, 270 p. (in Russ.)
- The Prosopography of the Later Roman Empire*. Cambridge, Cambridge University Press, 1980, 1342 p.
- Waarden J. A. van. *Writing to Survive. Vol. 1. A Commentary on Sidonius Apollinaris Letters. Book 7. The Episcopal Letters 1–11*. LAHR 2. Leuven, Peeters, 2010, 659 p.